

Шостакович Д. Д.

26.09.71

26 сентября 1971 г. • «МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ» • 7

• Воскресное обозрение

ШОСТАКОВИЧ

ВЧЕРА открылся Большой зал консерватории. Лучшее в Москве место, где можно побывать, образцовый Дом культуры, любимый клуб для тысяч людей, а для сотен — единственный. Здесь знакомятся не только с музыкой, но и друг с другом и сюда же приходят в поисках одиночества. Для красоты это называется «наедине с музыкой», но бывает, что человек и не думает о музыке, ему сегодня ничего не нужно, он просто уходит в консерваторию от своих невзрений. Музыка добирается до него сама.

Для открытия играли Шостаковича — Седьмую симфонию («Ленинградскую», блокадную) и Концерт для скрипки: это и первый вечер московского симфонического сезона, и первая программа из цикла, отмечающего 65-летие композитора.

О Шостаковиче пишут и говорят. Пишут о его музыкальном вкладе, а имя его вошло в речь людей, далеких от музыки или, во всяком случае, далеких от его музыки. — Дмитрий Шостакович стал персонажем нашей повседневности, названием, знаком, мифом. Социальная роль Шостаковича намного шире его музыкального вклада.

Да, он великий музыкант, его школу проходят или его влияния стараются избежать, место его в мировой культуре достойно восхищения: он

беспорный классик XX века, и в то же время он остается «спорным» — классик, работающий со страстью новичка, которого никто не знает, и ему еще предстоит завоевать себе имя.

Но он не только мировой композитор, а и наш соотечественник. Он жил и живет одной жизнью с нами. Читая газеты, мы, независимо от нашего интереса к музыке, встречали его имя, как имена ученых, занимающихся неизвестными нам науками, или председателей горсоветов из городов, где мы не бывали. Приходилось слышать, что, мол, когда «его» передают, мы радио выключаем; потом оказывалось, что легко забываемые мелодии массовых песен или джазовых пьес сочинил тот же Шостакович. Его славу поддерживали или оспаривали в разговорах за чаем, не слушая музыки, а оперируя некоторым сложившимся представлением о Шостаковиче, а также и о других композиторах, — это вот и примечательно: Шостакович отвечал уже и

за Прокофьева, и за целую музыкальную эпоху, в которую предстояло войти так же, как в век новой техники. Шостакович персонифицировал эту эпоху буквально для миллионов; можно сказать, что его имя шло впереди его музыки (как это было, между прочим, со славой и с поэзией Маяковского).

А он продолжал сачинать свою музыку, все время разную. Большой перерыв между Девятой и Десятой симфониями оставил достаточно времени, чтобы войти в самый глубокий и трагически-негостеприимный из миров, созданных Шостаковичем, — в мир его Восьмой симфонии. Было такое замечательное место, где ее крутили на магнитофоне раз в неделю, — музей Скрибина, туда мы приходили со своей любовью. Этой любви Шостакович не раз бросал вызов: от него уходили, в нем разочаровывались. И всегда возвращались. Шостакович ничего для этого не делал. Это происходило в нас.

А ощущение, что он наш

соотечественник в той же степени, в какой мировой композитор, становилось иногда главное чисто музыкальных впечатлений.

Тем временем музыка Шостаковича вошла в быт. Он писал музыку к фильмам и спектаклям, но в других фильмах и спектаклях она звучала тоже: драматурги и режиссеры, желая выразить эпоху, заставляли ее говорить то, чего не могли сказать средствами своего искусства. «Фрагменты из произведений Шостаковича» — одно время мы читали это на десятках афиш. Теперь если по радио заиграют, например Пятую, то и самый «неподготовленный» слушатель обнаружит в этой музыке много знакомого — из каких-то монтажей, радиопостановок, из музыкального сопровождения документальных фильмов. Это если говорить только о «фрагментах». А гармонии Шостаковича или его приемы оркестровки стали голосами войны и мира, бурного драматизма и напряженной тиши-

ны — голосами, которые ныне не распознает каждый.

Никого ни с кем не сравнивая и не отрицая Прокофьева ради Шостаковича, я все же думаю, что именно Шостакович, а не кто-нибудь иной в нашем столетии, переломил массовое музыкальное сознание — и прямым звучанием своей музыки везде, где ее хотели слушать, и через прикладное использование, через театр, кино, «звукооформление». Он и есть звукооформитель нашей эпохи. Постепенно его открывают мальчики с улицы.

И вот сегодня мне очень хочется попасть в Малый зал на Четырнадцатую, а я почти уверен, что там аншлаги. Я еще не научился воспринимать Четырнадцатую как симфонию, а не вокальную сюиту, не сумел пока охватить ее форму, и пение в ней для меня определяет смысл этой музыки. Между тем на пластинке вокальные партии поют Маргарита Мирошникова и Евгений Владимир. А в сегодняшнем концерте объявлены Зара Долуханова и Евгений Нестеренко. По стандартным представлениям о Долухановой (а они у меня такие и есть), в этой музыке должны быть вещи, для нее неподходящие, например «В траншее он умрет». Но уж, наверное, Баршаю виднее. А билеты, наверное, проданы.

Но я все же подойду к началу, повидая знакомых.

А. АСАРКАН.